

Наталья
Липатова

ДОМ НАД ОБЛАКАМИ

Мужские истории

Женские истории (ООО Центрполиграф)

Наталья Липатова
Дом над облаками

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Липатова Н. П.

Дом над облаками / Н. П. Липатова — «Центрполиграф»,
2021 — (Женские истории (ООО Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09232-8

В попытке объехать пробку, Алина свернула на проселочную дорогу и увидела чудесный дом, обособленно стоящий на склоне холма, словно хозяин округи: леса, земли, неба. «Что нужно, чтобы жить в этом доме?» — спросила она и получила ответ: «Быть женой хозяина или любовницей». Все началось как шутка, розыгрыш, в котором каждый ждет, что первым отступит партнер, но шутка переросла в нечто серьезное. Алина влюбилась, и ей стало страшно, потому что она не знала, что чувствует к ней Максим, кто она для него?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09232-8

© Липатова Н. П., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	11
3	16
4	22
5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Наталья Липатова

Дом над облаками

Часть первая

1

Они позвонили, когда она почти доехала. Долго извинялись, но встречу отменили. День был безнадежно испорчен. Договариваться с кем-нибудь еще в это время – бессмысленно, к тому же неизвестно, сколько ехать до города. Она развернула машину и тут же попала в пробку. В надежде ее объехать нашла какую-то проселочную дорогу. По карте выходило не очень коротко, зато без плотного движения. Могла ли Алина тогда предположить, что эта дорога круто повернет ее жизнь?

Дом она увидела сразу. Он мощно стоял на склоне холма в гордом одиночестве, раскинув стеклянные флигели, как крылья, в обе стороны. Недалеко от него росли деревья, ближе к склону холма они объединялись в лесную массу, а забираясь на вершину следующего холма, разбивались на группки. Эти лесные волны, то редая, то набирая мощь, уходили до самого горизонта и, упираясь в него, уже теряли яркость, укутываясь сизой дымкой. Захватывающая своей красотой картина. Дом был хозяином этой земли, этого леса и даже части горизонта. Он ни в какое сравнение не шел с разномастными строениями, которые прилепились к дороге с обеих ее сторон. Он стоял вдалеке от них, но дорога, которая шла к нему, начиналась между старыми деревянными домами и новыми коттеджами.

«Вот это правильное место для жизни», – подумала она. Ей нестерпимо захотелось рассмотреть этот дом поближе. Со второй попытки она нашла нужный поворот и, проехав вдоль заборов, вырулила на хорошую дорогу, которая, слегка извиваясь, шла к дому и упиралась в ажурные ворота.

Вблизи дом был еще прекраснее. Мощный, коренастый и вместе с тем легкий и изящный. Он настолько гармонично вписывался в окружающее пространство, как будто бы создавал с ним единое целое. Будто это не его построили, а он вырос сам и вырастил эти холмы позади себя, деревья, лес, небо.

Алине захотелось рассмотреть его получше. Из-за забора было видно, что на лужайке перед домом и на крылечке не лежало ни единого предмета: ни забытых вещей, ни инструмента, будто живущие в доме были помешаны на порядке, либо их вообще не существовало в природе. А что, дом такой самодостаточный, что жильцы ему совсем не нужны.

Она пошла вдоль забора, пытаясь найти подтверждение своей мысли. Во всех окнах шторы были задернуты, а на траве повсюду был тот же идеальный порядок. И тут вдруг из-за угла дома вышел мужчина. На нем были резиновые сапоги, защитного цвета штаны и расстегнутая куртка, под которой видна была футболка. В руках у него была лопата. Увидев Алину, он изменил траекторию своего движения и, прошагав в ее сторону, остановился напротив, по ту сторону забора. Он спокойно смотрел на нее, не задавая никаких вопросов. Это спокойствие читалось и в позе, и в лице, и в глазах, хотя сама ситуация, казалось, вынуждала его задать незваной гостье вопрос, зачем она здесь.

– Что нужно, чтобы жить в этом доме? – неожиданно для себя спросила Алина.

– Быть женой хозяина. Или любовницей, – ответил он, ничуть не удивившись, как будто ему каждый день задают этот вопрос.

– И что, с ним можно это обсудить? – Алина решила продолжить эту игру.

- Можно.
- А когда?
- Прямо сейчас.
- И где он?
- Перед вами.

Алина внимательно посмотрела на человека с лопатой. Конечно, лопата, сапоги и простая одежда хорошо маскировали их обладателя под рабочего, но спокойное властное лицо противоречило этой картине. У садовников и рабочих не бывает таких лиц. По своей работе Алина встречала людей с такими лицами. Они оказывались или начальниками компаний, либо хозяевами.

– Я сначала хочу посмотреть комнаты, – сказала она, решив оставить за собеседником право первым закончить игру.

- Какой вариант предпочитаете? – все так же без тени эмоций спросил он.
- Второй.

Он кивнул то ли в знак того, что он понял, то ли в знак одобрения.

- Пойдемте в дом.

Внутри ее росло веселое изумление. Ситуация была абсурдной, с какой стороны на нее ни посмотри. Решив, что пока она теряет гораздо меньше хозяина, который рискует обзавестись неизвестной жилочкой, Алина двинулась за человеком с лопатой.

Он отворил ей дверь рядом с воротами, и они поднялись на крыльцо. Здесь он наконец оставил свою лопату и, открыв дверь, пропустил ее вперед. Проходя мимо него, она почувствовала еле уловимый запах пота. Он ей почему-то показался очень приятным. Это был скорее запах тела крепкого здорового мужчины, который выполнял тяжелую физическую работу. Запах был такой правильный и... волнительный. Она тут же вспомнила, на каких условиях она согласилась поселиться в этом доме, и... смутилась. Поймав себя на том, что она думает об этом, как будто это все по-настоящему, она испугалась, что сейчас он все испортит и скажет: стоп, а сейчас давайте серьезно, что вам надо?

- Второй этаж, – быстро сказала она, – две комнаты. Окна на холм и на лес.

Он снова кивнул.

- Идемте за мной, – все так же спокойно ответил он и повел ее через гостиную к лестнице.

Она выхватила взглядом из пространства низко опущенный над П-образным диваном светильник, восточный ковер на деревянном дощатом полу, камин в стене с кирпичной кладкой, стол со стульями, за которым, похоже, играют в карты, вход в столовую под балконом второго этажа. И как и на лужайке, никакого беспорядка, никаких случайно забытых вещей. Поднявшись на второй этаж, он повел ее мимо закрытых дверей и остановился у двух последних. За ближайшей дверью оказалась спальня. Играть так играть, решила Алина и стала рассматривать обстановку взглядом придиричивого арендатора. Двухспальная кровать с удобным изголовьем и тумбочками по бокам (интересно, а чья это была комната?), напротив посередине немного утопленная в стену панель телевизора, сверху над ней пара длинных полок с книгами (это в спальне-то!), по бокам панели, покрытые ажурным орнаментом (похоже, дверцы встроенного шкафа). Около окна такое же расписное трюмо (здесь жила женщина?), пуф и маленький диванчик. Еще одна дверь, стеклянная, скорее всего, вела в ванную. И все тот же неестественный нежилой порядок.

Она подошла к окну, задернутому легкой занавеской. Ведь, собственно, весь сыр-бор из-за того, что находилось по ту сторону занавески. Отдернув ее, Алина с облегчением рассмеялась: с высоты второго этажа открывался еще более захватывающий вид, чем тот, которым она любовалась с дороги. Она обернулась к хозяину:

- Хорошо, а где вторая?

Он смотрел на нее с неким ожиданием. Может, он тоже ждал, когда она остановит эту игру?

Во вторую комнату вела следующая и последняя дверь на этаже. За ней оказался кабинет-библиотека: от двери до окна стеллажи с книгами за стеклянными дверцами, внутри этой подковы островок с рабочим столом и двумя креслами, на противоположной стене плазма и по диагонали от нее, около окна, кожаный диван. И опять восхитительный вид из окна на холм.

– Меня все устраивает. Только хотела бы уточнить несколько моментов. Как я могу пользоваться кухней, стиральной машинкой?

– Стиральная машина в подвале, там же можно погладить вещи. Платяной шкаф в спальне. В нем и комплекты постельного белья. Хотите – стирайте сами, хотите – оставьте домработнице. Она приходит в понедельник и четверг. На кухне запас продуктов, можете пользоваться или покупайте что вам нужно.

– Турка есть?

– Нет. Кофемашина.

– Хорошо. Теперь об обязательствах с моей стороны. – Алина вопросительно посмотрела на хозяина. Он молчал. – Сколько раз в неделю? – как ни в чем не бывало спросила она, как будто речь шла о доставке воды в офис или графике курьера.

Он замешкался буквально на секунду.

– Три.

– В процессе можем менять эту цифру?

– При взаимной договоренности.

Он даже не спросил, в какую сторону!

– Какие-то особые пожелания или все стандартно?

– Стандартно.

– Презерватив обязателен. Покупайте сами какие хотите, у меня предпочтений нет. Ну, кроме светящихся, разноцветных, со всякими там хвостиками, ушками, ба нановых и тому подобных. Если хотите без презерватива, то только после предъявления справки из КВД.

После этих слов обычно спокойное лицо хозяина дрогнуло. На нем появилось удивление и, может быть, легкая растерянность. Он смотрел на нее некоторое время, а потом развернулся и вышел из комнаты. Алине ничего не оставалось, как последовать за ним. Он спустился на первый этаж, дошел до тумбочки около входной двери и стал там что-то искать. Спустя пару минут он развернулся к ней, держа в руке ключи.

– Это брелок от ворот. Верхняя кнопка – открыть, нижняя – закрыть. Эти два ключа от входной двери. Этот брелок открывает ворота в гараж, он слева от крыльца. Этот магнитный ключ открывает дверь из гаража в дом. Запишите мой мобильный. Если не справитесь с замками или будут какие-то проблемы, звоните. Вещи сегодня перевезете?

И вручил ей ключи.

– Меня зовут Алина. – Она протянула ему руку для рукопожатия.

– Максим.

Рукопожатие было приятным, какое она любит: выраженное, достаточно крепкое, но не жесткое, без тряски, с одним небольшим взмахом, не длинное и не короткое, ровно такое, чтобы быть уверенным – это было деловое рукопожатие. Руки они разжали в один момент.

– Сегодня.

– Хорошо.

– Как отсюда выехать на трассу?

– На развилке направо, дальше по главной до первого светофора, на нем направо и по главной до трассы.

– Спасибо, не прощаюсь.

Она открыла дверь и направилась к машине. Она шла на автопилоте, потому что мозг отказывался признавать реальность происходящего. И только когда она выехала на трассу и узнала знакомые места, она дала волю своим чувствам. Она встала на обочине и включила аварийку. Он переиграл ее, переиграл в ее любимую игру. Первый раз в жизни Алина была готова первой сказать: «Стоп, а теперь давай серьезно». Ситуация была абсурдна. И что ей делать – ехать за вещами и вселяться в чужой дом? Ну не мог же он на полном серьезе пустить в свой дом незнакомого человека! Он что, ненормальный? У нее на руках ключи от его дома и его телефон, а у него ничего: ни номера ее мобильного, ничего, кроме имени.

– Смотри на ситуацию проще, ты ничего не теряешь, – сказала она себе вслух, – Собери немного вещей и возвращайся, и пусть он уже думает. Играть так играть.

Так, подбадривая себя, она и доехала до дома. Дома она тут же достала чемодан и начала собираться. Одежда, белье, косметика, зубная щетка, шампунь, ноут, спортивный костюм. Тапочки? Есть ли у него фен? Турка, пакет с любимым кофе. Она ходила по квартире, не останавливаясь, ей снова стало страшно. Решимость ее таяла с каждой минутой. Быстро собравшись, она с чемоданом выскочила из дома. И только когда она выехала из города, поняла, что за всеми переживаниями забыла поесть. Остановившись у первого придорожного кафе и за казав ужин, она смогла перевести дух. Алина отъехала достаточно далеко от дома, и можно было считать, что решение принято, она переезжает. Чтобы окончательно успокоиться, она начала перечислять варианты самого неблагоприятного развития ситуации.

«Я приеду к нему с чемоданом, а он скажет: „Деточка, ты что, серьезно решила ко мне переселиться?“ – Она так красочно это представила, что даже покраснела. – Стыдобища какая. Это даже не облом. Это... это... Это унижительно. И что тогда, возвращаться? Нет, как-нибудь выкручусь. Что-нибудь придумаю. В крайнем случае уеду. Но только в крайнем случае. А если я приеду и он скажет: знакомься, это моя жена, семья, детки, бабки? Маловероятно, конечно, зачем он тогда все это затеял? Что-то подсказывало, что так не должно быть.

А если он маньяк и извращенец? Если что случится, ведь никто даже не будет знать, где меня искать. Рискованно, но тоже маловероятно».

Тут она рассмеялась. Первый вариант ей казался более ужасным, чем последний. Получается, быть выставленной, а значит, опозоренной, для нее страшнее, чем попасть в руки насильника. Но, прокрутив обе ситуации в голове и как будто их прожив, она немного успокоилась.

Но случилось то, о чем она не подумала. Свернув с трассы, она заблудилась. Уже стемнело, и ориентиры, которые она запоминала, были не видны. Или она их просто не узнала с этой стороны. Она даже не могла спросить дорогу, она не знала, как называется то место, куда она едет. Проплутав полчаса, она остановилась у деревенского магазинчика и позвонила Максиму.

– Это Алина, – она надеялась, что у него не много знакомых Алины и ей не придется объяснять, кто именно ему звонит, – я съехала с трассы и заблудилась.

– Где ты?

Она назвала деревню, отметив, что он перешел на «ты».

– Стой там, я подъеду минут через десять.

Она сидела в машине и улыбалась. Она чувствовала, как огромная тяжесть свалилась с ее души. Первый вариант отменялся. Он придет и заберет ее. Это было такое облегчение, что у нее выступили слезы на глазах. Ей даже показалось, что они сделали гигантский шаг в затеянной игре и перешли на следующий уровень. Он ехал за ней. То, что происходило сейчас, уже не было таким деловым, как предыдущий разговор, в этом уже было что-то человеческое, понятное. Именно в этот момент она почему-то поверила, что все, что с ней случилось, – это хорошая история.

Через десять минут рядом с ее машиной остановился черный джип Максима. Он махнул ей рукой, мол, следуй за мной, и начал разворачиваться. Через несколько минут они были в соседней деревне и, проехав несколько развилок, подъехали к нужному повороту. В своих

поисках она пару раз проехала мимо него, но так и не опознала это место. Свернув с дороги, она сразу увидела и узнала дом. В темноте он смотрелся совсем сказочно. Около ворот был какой-то неяркий источник света. Дальше, по краям дорожки, поблескивали светящиеся точки, которые упирались в крыльцо. А над крыльцом висел маленький фонарик, который тоже давал не очень много света. Так же неярко светились зашторенные окна первого этажа. Еще одним светильником была луна, которая давала ровно столько света, чтобы дом угадывался в темноте, но не было возможности рассмотреть детали. Картина была камерной, почти интимной. Алина снова залюбовалась домом.

Он отнес ей чемодан наверх, в спальню. В ее спальню. Молча, без единого слова. Но в то же время спокойно, без напряжения. Ей даже передалось это спокойствие. Как будто она приехала в гости к другу, с которым давным-давно договорилась о своем визите.

– Чай?

Она кивнула. Он чуть задержался в дверях, давая понять, что ждет ее.

Они вместе спустились на первый этаж, в столовую. Она уселась за обеденный стол, а он пошел хозяйничать. Включил чайник, достал чашки, заварку, конфеты, печенье. Он был похож на дирижера: все движения были четкие и отточенные, без суеты и пауз, как по знакомой партитуре. Алина поймала себя на том, что любит Максима. С каждым новым поворотом этой абсурдной истории он нравился ей все больше и больше.

Наконец чай был готов, и Максим сел за стол напротив нее. Чай пили в полной тишине. Смотрели то в чашки, то друг на друга. Даже не смотрели, а изучали, как изучают товар в магазине, размышляя, стоит покупать или нет. И на удивление, это откровенное разглядывание было не в тягость, не вызывало ни чувства неловкости, ни желания нарушить тишину какими-то словами. Да и о чем говорить? О погоде, о предстоящем сексе? Или спросить, где инструкция к стиральной машинке? К тому же Алине нравилось рассматривать Максима. Она уже налюбовалась его видом со спины, а теперь изучала его лицо. Возраст определить было сложно, скорее всего, где-то около сорока. Приятное лицо, без изъязнов и смазливости, оно было бы достаточно обычным, если бы не совершенно фантастические глаза, в сеточке морщин, и внимательный проникновенный взгляд, в котором читались сила и ум. Человеку с такими глазами хочется довериться, поделиться с ним своими тайнами.

«Интересно, а как мы перейдем к сексу?» – подумала Алина. Сейчас этот вопрос занимал ее больше всего. В сексе она действовала по простой схеме: если ей мужчина нравился, это было достаточным условием, чтобы оказаться с ним в койке. Загвоздка была лишь в одном: Алине понравиться было не просто. Помимо того, что мужчина должен обладать качествами, которые можно описать в понятных терминах, таких как «умный», «веселый», существовало еще одно малообъяснимое требование, которое люди обычно называют словом «импульс». Усложняли этот набор из трех слов дополнительные смыслы, которыми Алина наделяла каждое слово.

Так, «умный» означало: оригинально мыслящий, не пользующийся шаблонами, живой ум; человек, допускающий вольности в одежде; уверенный в себе; не держащий кошек и маленьких собачек; хулиган. Алина считала, что формальный подход в одежде присущ людям скучным, закрытым, а в любителях маленькой домашней живности она видела замаскированный страх одиночества и неумение строить глубокие отношения. Хулиганов Алина ставила в противовес ботаникам, которые тоже казались скучными, закрытыми и закомплексованными. Все эти люди демонстрировали, с точки зрения Алины, неумное поведение.

С «веселым» было чуть проще: ироничный человек; умеющий посмеяться над собой; оптимистичный; любитель загадок.

Импульс мог быть как чувством симпатии, так и сексуальным желанием с вполне узнаваемыми симптомами. При этом, чем сильнее реагировало тело, тем менее существенным становились требования по первым двум пунктам. С другой стороны, слабый импульс мог компенсироваться умением складывать неожиданные словосочетания или отпускать ироничные замечания. В общем, существующий фильтр и отсутствие логики в его настройке делали сексуальную жизнь Алины очень неожиданной и нерегулярной. К тому же отягощалось это еще и тем, что секс, как квашня, часто не удерживался в рамках удовлетворения физиологических потребностей тела, а выливался в отношения, а к отношениям Алина предъявляла еще более экзотические требования.

И вот сейчас, сидя на кухне, она думала о том, что Максим оказался первым мужчиной, который соответствовал всем предъявляемым ею требованиям, даже с учетом всех немислимых добавочных смыслов. Она бы с удовольствием закончила чаепитие в его спальне, но правила игры задавал Максим, а ей оставалось только следовать им. И пока ничего не предвещало вечеру такой концовки.

Допив чай и пожелав друг другу спокойной ночи, они разошлись по своим комнатам. Алина развесила свои вещи в шкафу, расставила баночки-скляночки, приняла душ и забралась под одеяло. На небе были рассыпаны неровно скатанные ватные плюшечки облаков. Они медленно плыли, выдерживая заданную дистанцию, не набегая и не отставая друг от друга. Луна далеко подсвечивала этот медитативный караван ровным неоновым светом, периодически скрываясь за облаками. За кадры такого неба подрались бы режиссеры, работающие в жанре мистики, а мастера мелодрамы обязательно вставили бы его в кульминационный момент выяснения отношений между главными героями. А она лежала и спокойно любовалась этой красотой, единолично и безраздельно. В голове еще крутились обрывки сегодняшнего вечера, но она уже бросила надежду дать какое-то приемлемое объяснение происходящему. Пока все хорошо, и ладно. Глядя на плывущие облака и мигающую луну, она начала потихоньку засыпать. И тут она вспомнила старое гадание: сплю на новом месте, приснишь жених невесте. «Самое время для гадания», – подумала Алина и провалилась в сон.

2

Приснись жених невесте... Утро Алины началось с этой мысли. Пока одна часть мозга вспоминала вчерашний день, вторая часть пыталась выяснить, снилось ли ей что-нибудь. Несмотря на то что легла она вчера достаточно рано, то ли из-за волнений, то ли из-за свежего воздуха уснула она быстро и без снов. Видимо, у потенциального жениха были какие-то свои дела в сновидении и он не успел заглянуть к Алине.

Она открыла глаза и глянула в окно. Сегодня без подарков. Типичная картина для осени – небо было затянуто серой дымкой. Часы показывали начало восьмого. В доме было тихо.

Алина встала и пошла умываться. Вчера она не успела толком рассмотреть ванную, поэтому сейчас решила изучить ее во всех подробностях, как будто здесь находились ответы на все ее вопросы. Она еще вчера отметила, что домом, скорее всего, занимались профессионалы. Внешний вид, то, как он был вписан в окружающий рельеф, – в этом чувствовалась рука мастера. Внутреннее пространство тоже было организовано очень небанально, а единство всякой мелочовки – светильников, посуды, картин – говорило о том, что здесь поработал декоратор и хозяин въехал в полностью готовое жилище. И оно его, видимо, очень устраивало, так как не разбивалось никакими чужеродными сувенирами и случайными покупками. Или все еще проще: тут редко кто живет. Пока она не составила окончательного мнения по этому вопросу.

Она чистила зубы и рассматривала бежевые квадратички плитки на стенах и полу. И хотя сантехника и ванная были белые, в целом от пространства исходил еле слышный восточный аромат. Его не только можно было ощутить, но и понюхать – около зеркала стояла стеклянная ваза с палочками, погруженными в аромамасло. Человек, который это все заказывал, явно понимает толк в чувственных удовольствиях. Под ногами лежал ковер с длинным ворсом. Алина так и не поняла, то ли это шкура какого-то животного, то ли это шелковая пряжа. Ногам было очень приятно утопать в пушистом ворсе. Полотенца были толстые, мягкие и мгновенно промокали капельки воды на коже. Но до этого нужно было опробовать все массажные режимы душа, от колючих струй-иголок до усыпляющего легкого пузыристого поглаживания. Даже глазу было чем насладиться: можно блуждать по неровной поверхности стен, зацепиться за полотенца с тонким орнаментом по краю, выбрать нужную яркость из трех источников света или вообще зажечь свечи, которые стояли по краю ванны вперемежку с баночками с солью, пеной, стопкой разноцветного мыла и еще какими-то неопознанными пузырьками. Или же любоваться видом из окна, которое сейчас было задернуто многослойной шторой. Вдыхая, разглядывая и ощущая пространство, Алина поняла, что думает о сексе. И не просто думает, а хочет и ждет этого, будто пространство настроило ее на чувственную волну, проанонсировало и пообещало, продемонстрировав все свои нехитрые уловки.

«Без женщины тут не обошлось, – подумала Алина. – Или раньше в этой комнате жила женщина, или дизайнер была женщиной. Мужчина не может так организовать пространство. Уж слишком чувственно. Интересно, а как выглядит ванная комната у Максима? Так же или по-мужски?» Ей захотелось тут же кинуться исследовать его ванную, но она постаралась подавить этот порыв. Это все же сугубо личная территория, и, несмотря на развешивающее женское любопытство, хотелось с уважением относиться к праву на личное пространство человека, которому она вчера свалилась на голову. А камеры у него в доме есть? Неужели ему совсем не страшно оставлять в доме абсолютно чужого человека? Алина поставила себя на место Максима и представила, как незнакомая девица выносит у нее полдома. Можно пробить по мобильнику, она ж ему вчера звонила. Снаружи должны камеры стоять, записали машину. А по номерам найти владельца никакого труда не составит. Ну, так уже легче. Все же он не совсем ненормальный. Только наполовину.

Она взяла пакет с кофе, турку и спустилась на кухню. Кухня была так же хороша, как и ванная. Ну, может, только не возбуждала сексуальный аппетит с первой минуты пребывания в ней. В принципе даже в течение обеда или ужина можно было удержаться и не думать о сексе. Но это помещение так же расслабляло и успокаивало. Никакого креативного пластика и ледящего душу хай-тека. Обилие темного дерева, гладкого, но не полированного. Сложные стекла в шкафчиках, с наплывами, как будто их раскатали еще в те времена, когда никаких точных механизмов еще не было и все делалось вручную. Такие стекла можно встретить в какой-нибудь исторической мебели в музеях. Стекла расчерчивались незамысловатым узором из тонких металлических линий. Похожие витражи стояли и в нескольких дверях. Кухонная столешница была из какого-то камня. Его поверхность была с небольшими канавками прожилок, не полированная, но вместе с тем гладкая. И пальцы чувствовали этот еле уловимый рельеф и приятное скольжение, и руки не хотели отрываться и как загнипнотизированные гладили и гладили бархатистый камень.

Кофе чуть не убежал. Какое там не думать о сексе в течение обеда! Даже пенка не успела подняться, а Алина уже всеми мыслями была в процессе.

«Неужели я такая сексуально озабоченная? – подумала она. – Или это дом так на меня влияет? А вдруг это вообще не его дом? Друг уехал, попросил за собакой присмотреть. А где собака? Что он закапывал за домом? Он ее убил? Стоп!»

Алина поняла, что если и дальше будет искать объяснения, то запросто может рехнуться. И не дожить до вечернего секса. А будет ли секс вечером? Про секс было думать гораздо приятнее, чем про закопанных собак.

Выпив кофе, она поднялась к себе, взяла ноутбук и пошла в соседний кабинет, вторую «ее» комнату. Похоже, это было единственное из всех виденных ею мест в доме, где она могла не думать о сексе. Или хотя бы не думать первое время. Теперь она за это не стала бы ручаться. Она собрала покрывало и подушки с кровати и устроила на широком подоконнике себе гнездо.

Несмотря на бесцветное, унылое небо, она в очередной раз залюбовалась видом из окна. Сегодня у художника-пейзажиста была тяжелая рука. Никаких оттенков, игры света и тени, все плоско, без объема, двухмерно, статично. Блеклая аппликация деревьев на бурых полосах холмов. Но эти тусклые краски так удачно сочетались друг с другом, словно были подобраны нарочно, что создавало ощущение какого-то хрупкого равновесия, очень зыбкого и трогательного. Любой порыв ветра, любое движение, и картина размажется, потечет и станет просто набором грязных красок. Алина вдохнула, как будто ей хотелось вобрать в себя состояние этого момента, помедлила секунду и взялась за работу.

Алина без перерыва проработала до обеда. Сделав передышку, выбралась на кухню и обнаружила полностью набитый холодильник. Значит, в этом доме живут? В кухонном шкафчике она нашла ряды одинаковых банок для сыпучих продуктов. Зачем-то потрясла все банки, в них оказалось разное количество содержимого. Он сам готовит?

Алина сварила кашу, сделала легкий салат и вернулась к работе. Ей очень хотелось осмотреть дом, но она чувствовала такое вдохновение, что решила сначала закончить работу, а потом уже побаловать себя экскурсией.

Отрываясь на телефонные звонки и приготовление кофе, Алина к вечеру уже почти додела работу, которую планировала осилить за два дня. Что за фантастическое место! Все, что она позволила себе, – это пара минут, чтобы посмотреть на закат. Серое небо не показало закат во всей его красоте, но Алина все равно оценила смену красок в небесной палитре.

Чувство голода уже вовсю сообщало, что рабочий день пора закончить, а Алина все оттягивала, пытаясь довести работу до конца. Завтра только красиво оформить презентацию, загнать все данные в таблицу, и день свободен!

Алина работала в консалтинговой фирме, которая проводила еще и обучающие тренинги для руководителей и сотрудников фирм. Их контора была небольшая, но дерзкая. Всего лишь десяток работников и большой список клиентов, многими из которых могли бы гордиться и европейские агентства. А все потому, что хозяин долго и дотошно подбирал штат, и в итоге все Алинины коллеги оказались настоящими фанатами своего дела. Им позволялся свободный режим работы, потому как все были ориентированы на результат, а не на процесс. Алина работала в фирме всего пару лет, но ее уже давно перестали проверять, зная, что к нужному времени вся работа будет сделана наилучшим образом. Вот и сейчас, готовя программу для оптовой фирмы, владеющей несколькими большими складами бытовой техники, Алина уже почти написала весь тренинг. Проанализировав запрошенные на фирме данные, она уже обозначила проблемы, которые нужно было решить в обязательном порядке. Отдельно в списке стоял ряд вопросов, которые не имели непосредственного отношения к объявленной задаче. Их решение было скорее бонусом для руководства, актом доброй воли со стороны ее конторы. Этот прием был очень действенным, все клиенты проникались таким живым участием, и, может, поэтому многие оставались в добрых отношениях и приводили своих друзей. Ну, и, конечно же, еще и из-за того, что после тренингов и консультаций работа фирм становилась более эффективной и эта эффективность измерялась в реальном росте оборота и прибыли.

Непонятно, как так сложилось, но склады были Алининым коньком. Она дотошно и с упоением вникала в списки товаров, квадратные метры, единицы хранения, логистику и экспедицию. За всеми этими цифрами она видела красоту взаимодействия и умудрялась выжимать из системы невиданные показатели. А все потому, что давным-давно уяснила, что главное слабое звено в этой системе – это люди. И она так отстраивала их работу, что, казалось, помести вместо человека обезьянку, и она станет отличным работником.

Алина так увлеклась, что не заметила, как приехал Максим. Она даже не успела испугаться, услышав неожиданный стук в дверь. Она автоматически ответила «да» и только потом задумалась, как она выглядит. Максим зашел в дверь и остановился на пороге, пытаясь рассмотреть в сумерках, где Алина. Она сидела в своем гнезде на подоконнике за шторой, и только свечение монитора ноутбука выдавало ее местонахождение.

Максим отдернул штору и с изумлением уставился на нее. Ну конечно, вчера она была в деловом костюме, а сейчас сидела, скрестив ноги по-турецки, в футболке и спортивных штанах, без косметики, с небрежно собранными на макушке волосами, которые развалились на пряди и торчали в разные стороны, вокруг нее был обмотан плед, из-под которого во все стороны торчали подушки. Дополняли картину пара пустых кружек, мобильник и листы с перечеркнутыми цифрами.

– Привет, – не найдя, что можно еще сказать, проямлила Алина.

– Привет, – ответил Максим. – Есть хочешь? Я захватил японской еды.

– Умираю с голоду.

– Тогда спускайся, начинай хозяйничать, я через пару минут присоединюсь.

Это оказалось не пара минут. Она успела найти в шкафчиках посуду, которая, по ее представлениям, максимально подходила для роллов и суши, сложным узором выложила на нее из пластиковых контейнеров рисовые пеньки и колбаски, зеленые маковки васоби и полупрозрачные розочки имбиря. Достала из холодильника соевый соус и вовсю занималась поиском маленьких плошек для него, как в кухню вошел Максим. Он был одет почти так же, в футболку и спортивные брюки, а мокрые волосы выдавали, где он так задержался.

– Я не смогла найти плошек для соуса.

Он кивнул, будто подтверждая, что это была невыполнимая задача, открыл шкаф с посудой и, запустив руку куда-то вглубь, на ощупь нашел там пару плошек. «Женщина не сможет это достать, – автоматически отметила про себя Алина. – Или ее тут нет, или она не любит японскую еду».

Они сели за стол на те же места, что и вчера. Алина ловко орудовала палочками, Максим же ел рассеянно, погруженный в свои мысли. Он явно был не с ней и не здесь. Его взгляд был устремлен куда-то сквозь стены, а когда он брал роллы с блюда, было похоже, что делает это он автоматически, не видя их. Он не голодный. Зачем он тогда это все привез? Покормить ее? И усталый совсем. Ничто не напоминало вчерашний вечер, внимательного изучающего Максима. Алине было не по себе. Она чувствовала свою ненужность, чужеродность в этом пространстве. Ей хотелось нарушить эту разъединенность каким-то словом, действием, но было неловко отрывать Максима от размышлений. И только когда все было съедено, она решила, что теперь уже можно, ужин закончен и все равно им расходиться. Так какая разница, расходиться в тишине или обменявшись парой слов на прощание.

– Устал?

Максим повернулся к ней, но потребовалась пара секунд, пока он выплывет из своих мыслей. Он сделал неопределенное движение головой, которое можно было понимать как «есть немного» и «ерунда, пройдет».

– Хочешь, я тебе шею помассирую?

Слова вылетели сами, она даже не успела их обдумать.

– Давай. – Он слегка улыбнулся ей.

– Положи руки на стол перед собой и опусти на них голову.

Алина встала за его спиной и начала разогревать ладони, растирая их друг о друга. Потом она положила руки ему на голову, провела вниз, почувствовала покалывание щетинки выбритой линии волос на шее, скользнула на плечи и с них на предплечья. После этого напрягла пальцы и начала точечный массаж головы. Она по себе знала: это отлично снимает напряжение и освобождает голову от любых мыслей. Потом перешла на шею и плечи, чувствуя, как расслабляются мышцы под ее пальцами. Ее движения были сосредоточены, можно было даже сказать, профессиональны. Поэтому она растерялась, когда он в какой-то момент ни с того ни с сего резко выпрямился, развернулся и, притянув ее за талию, прижался лицом к ее животу. Она так и застыла с поднятыми руками, не зная, что делать. Придя в себя, она опустила руки ему на голову и начала тихо гладить волосы. Он не шевелился, ничего не делал. Она чувствовала на животе его дыхание, горячие ладони на пояснице. Спина под его ладонями начала гореть, жар от них растекался вверх и вниз. Ее дыхание сбилось, стало более частым. Она обхватила его голову, прижала к себе. Все тело уже готово было прижаться, податься навстречу, попроситься в объятия. Но он по-прежнему ничего не делал. Внутри ее родилась дрожь, сначала еле уловимая, слабая, но она разрасталась, и уже все ее тело начало вибрировать. Видимо, почувствовав это, он резко встал, поднял ее на руки и понес наверх, к себе, нашел в темноте кровать и положил ее. Но не лег рядом, как она ожидала, а только сел. Она хотела к нему прижаться, но он остановил ее и начал осторожно гладить тело, шею, грудь, руки, живот, бедра. Горячие ладони скользили то быстрее, то медленнее, иногда неожиданно замирали, а потом снова начинали движение. Это было невыносимо, ее уже колотило всюду, и она хотела только одного – прижаться к нему, почувствовать его всего, а не только руки, руки – это так мало, очень мало.

Не выдержав, она села и, запустив пальцы ему под футболку, начала потихоньку снимать ее. Его тело было так близко, такое горячее, такое желанное, что свою футболку она уже не снимала, сдернула и прижалась к нему. Она почувствовала уже знакомый запах, возбуждающий, его неровное дыхание. Он сдался, лег рядом с ней, прижал ее к себе. Она гладила его лицо, тело, обнимала, снова гладила. «Я хочу тебя, хочу!» Ее рука скользнула снять с него брюки, но он перехватил ее. «Ну что же ты ждешь! Чего ты медлишь!» Она чувствовала, что он возбужден, что он хочет ее не меньше, но чего-то ждет. Ее рука снова скользнула вниз, и он снова перехватил ее. Она попыталась вырваться, но он не пускал.

– Я хочу тебя, – еле слышно прошептала она.

Не отпуская руки, он начал целовать ее, осторожно, сначала в висок, в уголок глаза, щеку, шею. Она чувствовала его горячее дыхание, повернулась к нему навстречу, подставила губы, пытаясь поймать поцелуй. Он был близко, очень близко, но она не могла встретиться с его губами. Вот поцелуй пришелся в уголок рта, его губы были сухие и горячие. Она потянулась им навстречу, но он отклонился. Это игра? «Неужели ты не видишь, что я не могу больше ждать! Я хочу тебя!» Ее трясло, она уже не могла сдерживать стоны.

– Я хочу тебя, хочу, ну, пожалуйста, – шептала она не останавливаясь.

Он начал потихоньку снимать с нее оставшуюся одежду. И вот она уже лежала рядом с ним голая, а он, как и раньше, не позволял ей дальше раздеть себя. Он целовал ее в ухо, шею, опустил ниже, в грудь, поймал губами сосок. По ее телу прошла судорога, она обвила его ногами, руками. Он освободился, скользнул рукой по ее животу, ниже, еще ниже. Она подалась навстречу, застонала громче. Его пальцы дошли до самого горячего места, стали мокрыми, заскользили. Она услышала, как сбилось его дыхание, стало тяжелым. Она поняла, что он возбужден не меньше ее, что он тоже ее безумно хочет, но сдерживает себя. Через секунду он резко встал, стащил с себя оставшуюся одежду, хлопнул ящиком тумбочки, зашуршал. В следующее мгновение он уже входил в нее, осторожно, прислушиваясь к ее реакции. А она, дождавшись, наконец-то отпустила его, расслабилась, раскинулась, наслаждаясь новыми ощущениями. Толчок, еще один, и она снова обвилась вокруг него, ловя его движения и отзываясь на каждое. Тело не заставило себя ждать, по нему пробежали судороги, оно выгнулось, подалось навстречу. Алина испустила долгий глухой стон, расслабилась на несколько секунд, а потом еще сильнее вцепилась в Максима. Еще, еще! Он хотел сбавить темп, но она ему не дала.

– Не останавливайся, только не останавливайся...

Он поймал ее губы, но ей уже было не до поцелуев. Она часто, со стоном, дышала.

– Только не останавливайся... Еще...

Она почувствовала, как на нее накатывает волна, что такая же волна поднимается у Максима, и вот он запульсировал, захрипел, уткнулся головой ей в шею. А она, содрогаясь, прижимала его к себе, как будто хотела, чтобы он вошел еще глубже, еще больше. Уже начали неметь руки, но она все не отпускала его, по телу пробежали судороги, а она, забыв сделать вдох, все прижималась и прижималась. Сердце было готово вырваться из груди, Максим тяжело дышал, и она наконец-то вспомнила, что ей тоже нужно дышать. Сделала глубокий вдох, застонала, потянулась губами и вдруг почувствовала поцелуй. Легкий, осторожный, горячий, такой нежный, каким целуют только любимых. Ее так поразила эта нежность, так тронула, что на глаза сразу же навернулись слезы. Она взяла его лицо в ладони, стала гладить, целовать, боясь заплакаться, не давая ему возможность вернуть эти поцелуи. Тело начало успокаиваться, и она почувствовала, как внутри ее растет нежность и еще какое-то горячее незнакомое чувство. Там, где сердце.

3

Она проснулась посреди ночи. Они так и уснули на неразобранной постели, накрытые сверху одним покрывалом. Она лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к его ровному, спокойному дыханию. Она почувствовала такое умиротворение, такое единство с окружающим миром, как будто она стала частью чего-то большого. Пропали границы, по которым она узнавала себя, пропала обособленность, отдельность, от нее больше ничего не осталось. Новое самоощущение было беспредельное. Она пыталась подобрать слова этому новому чувству, состоянию, но слов не было, потому что этого никогда еще не было в ее опыте и она не знала, как это называется.

Пробуждение было быстрым. Еще не открыв глаз, она уже вспомнила вчерашний вечер, заулыбалась. И снова какая-то теплая незнакомая волна разлилась у нее в груди. Она почувствовала, что находится одна в комнате, одна в доме. Она снова, минута за минутой возвращалась ко вчерашнему вечеру, пытаясь вспомнить каждое мгновение, как будто это могло ей позволить пережить все еще раз. С трудом оторвавшись от этого занятия, она открыла глаза. Сколько времени? Перед тем как они вчера заснули, Максим спросил, во сколько ее будить утром. Она ответила, что сама проснется. Но она не думала, что ее сон будет таким долгим.

Она огляделась, но часов нигде не нашла. Его комната была похожа на ее, но без трюмо, и дверь в ванную была замаскирована под дверцу шкафа. А какая у него ванная? – вспомнила Алина мучивший ее вчера вопрос. Она соскользнула с кровати, скорее по привычке, чем осознанно, заправила постель и открыла дверь. Ванная была почти такая же и, хотя отличалась только в мелочах, производила впечатление мужской комнаты. Более холодный оттенок стен, полотенца графитового цвета, темный короткошерстный коврик на полу, который уже не спутаешь со шкурой. Окна не было, вместо него рельефные плитки, сложенные геометрическим узором, такой же узор напротив, над ванной. Несмотря на обилие пестрой мелочовки, ванная выглядела строже, как-то даже аскетичнее. Алина потрогала влажное полотенце. «Как я могла не проснуться, когда Максим встал? И сколько все же времени?»

Она оделась и пошла в свою комнату. Часы показывали начало десятого. «Ничего себе! Как будто я вчера снотворного хлопнула. А что, отличный секс запросто можно приравнять к снотворному».

Одеваясь после ванны, Алина услышала, или ей показалось, что она слышит внизу какой-то шум. Спустившись на первый этаж, она увидела женщину, которая протирала пыль с мебели. Понедельник и четверг, вспомнила она слова Максима, домработница!

– Доброе утро, – стараясь не напугать, тихо поприветствовала Алина.

– Ой. – Женщина резко развернулась. – Здравствуйте. Разбудила? Я смотрю, машина стоит, значит, думаю, у Максима Викторовича гости. Ну и решила по-тихому сначала убрать, чтобы не разбудить. Нашумела, значит?

– Да нет, что вы! Я сама проснулась.

На вид женщине было далеко за пятьдесят. Простое лицо без косметики, на голове косынка, завязанная сзади, мужская рубашка, длинная юбка. Встреть ее на улице, и Алина бы решила, что эта тетка идет с деревенского огорода. Она явно не из агентства. И у Алины тут же родился план.

– А вы не попьете со мной чаю? А то мне так непривычно тут одной. Максим Викторович такой добрый, он меня пожить пустил. Я уже третий день тут, а даже толком не знаю, где что находится. Он сказал, бери все, что надо, а мне неудобно лазить по шкафам. А беспокоить его я не хочу, он такой занятой, уходит рано, приходит поздно. Мне как-то неудобно его просить, чтобы он мне экскурсию устроил. Может, вы попьете со мной чаю, а заодно и покажете, где что

тут есть? А то я вчера кофе готовила, сахарницу нашла, и думаю, если сахар закончится, не звонить же мне Максиму Викторовичу, узнавать. А хотите кофе? Я вам сварю вкусный кофе в турке, вы такого точно не пробовали. Меня Алина зовут, а вас?

Выдавая эту тираду, Алина двигалась в сторону кухни, и женщине ничего не оставалось, как последовать за ней.

– Тетя Аня я. Не надо из-за сахара звонить Максиму Викторовичу, не любит он этого. Я покажу все.

И Алине была устроена обзорная экскурсия по кухне. Самое ценное в ней были комментарии тети Ани. В общем, выходило следующее. Максим Викторович завтракал дома, зеленый чай, тосты, творог.

– Ты смотри творог весь не ешь, а то Максим Викторович не любит, когда утром на завтрак ему чего-то не хватает. И чай его любимый весь не выпивай. Я присматриваю за едой, если что-то кончается, мы с Олежкой в магазин едем. Если тебе чего надо, можешь мне список составить, мы все вместе и привезем.

Обедал и ужинал хозяин почти всегда в городе. Иногда к нему приезжали гости, если он заранее знал, то вызывал тетю Аню ужин приготовить, а если она не успевала, то везли еду из ресторанов. «Явно он тут без женщины живет», – подумала вскользь Алина.

Она уже успела приготовить кофе и разливала его по маленьким чашечкам. Кофе вышел сладкий, душистый, с запахом ванили и корицы, именно такой, по Алининым представлениям, должен был понравиться этой немолодой женщине. На правах жилички она нашла в шкафчике конфеты и печенье, благо теперь она уже отлично ориентировалась в местах хранения.

– Чашечки маленькие, но я попозже еще сварю, чтобы горяченьким пить. Хорошо?

Алина дождалась, когда тетя Аня усядется, и перешла к главной части плана:

– Теть Ань, я вот как сюда заехала, обратила внимание, какая чистота в доме и порядок. Вот откройте секрет, как вы с этим всем управляетесь? Давно, наверное, уже у Максима Викторовича работаете?

Логическая связь между качеством уборки и стажем работы была достаточно слабая, но Алина надеялась, что женщине захочется поговорить с новым человеком и она не будет придирается к причинно-следственному несоответствию.

– Так с самого начала, как они дом построили.

«Они?!» – Сердце у Алины ухнуло вниз, и ей потребовалось нечеловеческое усилие, чтобы выражение лица не выдало ее чувств.

– О, – Алина изобразила живой интерес, – мне кажется, это какая-то необычная история. Я ведь угадала?

– Ну да. Максим Викторович с супругой спасли меня тогда.

«Супругой?!» Видимо, Алина не смогла справиться с лицом, но тетя Аня приняла ее ужас на свой счет.

– Да нет, – замахала она руками, – не помирала я. Долг у нас тогда был большой, а они и предложили мне работу. Ангелина Львовна у меня молоко покупала. Я тогда уже на ферме не работала, хозяева нас всех уволили, а коров продали и на мясо пустили. Афера там какая-то была, народ рассказывал. Только никто толком ничего не знает. Работы в деревне не найти, а у меня коза была, вот я и стала молоком торговать. Дорога через деревню к дачам тогда вела, вот москвичи у меня молоко и покупали. В городе-то такого нет. Вот, значит, я и открыла бизнес. – Тетя Аня засмеялась, видимо, ей нравилось применять это слово к себе. – Вот только с козы много молока не возьмешь, это не корова ведь. Но нам с Петькой хватало. Петька – это мой старший. Мы с ним вдвоем живем, а Пашка с семьей в Новосибирске. Он там со Светкой познакомился, когда в армии служил, так и остался там. Сначала в общежитии жили, а сейчас уже в своей квартире, – сказала тетя Аня с гордостью.

С каждым поворотом сюжета в истории появлялись новые персонажи. Пашка со Светкой – это, видимо, младший сын с женой.

– А мы с Петькой так вдвоем тут и остались. Пашка предлагал наши полдома продать да к ним переехать, я бы с внуками тогда нянчилась. Да как я Петьку одного оставлю, а с собой его туда везти – так это такое ярмо всем на шею вешать.

Тетя Аня по-старушечьи поджала кулачком голову, пригорюнилась. Видимо, это была давняя больная тема. Алина не подгоняла, терпеливо ждала продолжения.

– Петька-то весь в отца. Мой-то запойный был. Как напьется, давай нас гонять. Если успевали, то к Антонине убегали, а если не успевали, то Петька меня с мальцом от отца защищал, дрался с ним. Да что там, малой все равно против взрослого мужика. У Петьки с тех пор бровь рассечена и губа верхняя. А Пашка маленький совсем был, но как отцовскую ругань слышал, так орать и плакать начинал, что вся деревня знала – мой напился. А куда деваться? Как протрезвеет, человек человеком. Руки у него золотые. По этой части Петька тоже в него пошел, руками что хочешь сделает, к нему народ даже из города машины чинить возит. Любую технику отремонтирует, даже если первый раз видит. Но если напьется, такой же дурной, как батя. А Пашка вообще в рот капли спиртного не берет, видимо, бати ему в детстве хватило. Даже на свадьбе своей не пил. Мой-то так и не дожил до этого. Замерз зимой по пьянке, Пашка как раз только в армию ушел. Вот с тех пор мы с Петькой вдвоем и живем. Иногда он, конечно, какую-нибудь женщину себе приведет, да кто ж с ним, с пьяницей, жить будет. А как машину разбил, клялся мне, что больше ни капли в рот не возьмет, да только ненадолго его хватило. Я его тогда чуть собственными руками не прибила!

Ему из города джип привезли, он его отремонтировал и уже хозяину должен был отдать, так принесла нелегкая дружков его. А я, как назло, у Антонины была, у нее ноги прихватило, вот я и сидела с ней. На вечер только и отлучилась-то! А домой прихожу, там уже милиция. Эти гады начали пить, да не хватило им, они Петьку-то и уговорили за водкой на трассу поехать. Раньше-то они к Трофимовне за самогонкой ходили, но я ей пообещала дом спалить, если она хоть каплю Петьке с его дружками нальет. Вот они до магазина и поехали. А дорога сама знаешь какая. Через лес-то и днем все потихоньку ездят, а ночью тем более. Вот в этом-то лесу они и разбились.

Тетя Аня увидела испуганное Алинино лицо и замахала руками:

– Да что этим алкашам сделается! Все живые, морды только себе расквасили. Только они ж еще одну машину разбили, которая навстречу им ехала, и водитель там пострадал. Петьку тогда чуть не посадили. Я думала, дом придется продавать, чтобы расплатиться. Отдала все, что на черный день откладывала, у соседей позанимала, и все равно остались еще должны. Джип-то Петька отремонтировал, а вторая машина больно дорогая оказалась. Да и следователю пришлось заплатить. Я уж думаю, может, было бы лучше, если бы Петьку посадили, может, он бы после этого одумался и пить перестал... Как думаешь?

– Не знаю... Мне кажется, вы бы не смогли так поступить. Какой-никакой, а сын...

– Во-во, не смогла. А у тебя детки есть? Алина отрицательно покачала головой.

– Ну, ты еще молода, успеешь. Я Петьку родила, мне только двадцать исполнилось. Сама девчонка, а тут ребенок уже на руках. А с Пашкой все по-другому было. И такие они разные у меня.

Тетя Аня ушла куда-то в своих воспоминаниях. Надо было что-то делать.

– Теть Ань, вам кофе понравился?

– Ага, вкусное.

– Давайте я еще сварю.

– А у меня потом с давлением плохо не будет?

– Не, от такого не будет. Это растворимый кофе врачи не рекомендуют, а молотый можно. Если не больше пары чашечек. Эта же история не дольше пары чашечек кофе?

– Ой, а я уж и забыла, про что я тебе начала рассказывать.

– Про то, как вы к Максиму Викторовичу с Ангелиной Львовной попали.

– А, так вот тогда и попала. Молоком козьим торговала, а Ангелина Львовна у меня его для Никитки покупала.

«Никитка?! Сын? И где он? А жена где?»

– От козы же мало молока, вот она как начала его покупать, так мы и договорились, что я только ей его продаю. А мне хорошо, на дороге стоять не надо. То она в дом приедет за ним, то водитель их. Бывало, прямо с младенцем на стройку ездила, а как дом достроили, сразу же и поселились в нем. Я, помню, не вытерпела один раз и говорю ей: что ж вы младенчика с собой возите, вредно же ему. А она мне: у вас дети есть? Двое сыновей, говорю, взрослые уже. Она вот так кивнула, как Максим Викторович, и уехала. А потом, как они поселились совсем, она приехала и говорит: не хотите домработницей поработать у нас? И такие деньги большие пообещала, что я даже и не раздумывала. Если бы не они, я даже и не знаю, чем бы эта пьяная история закончилась. А так потихоньку и расплатились с долгами, Петька, конечно, помогал, колымил всюду, да и Пашка со Светкой денег прислали. А теперь вот наоборот, я им посылаю, нам-то с Петькой столько не надо.

Похоже, больше ничего про хозяев тетя Аня рассказывать не собиралась.

– А как вы одна с таким большим домом справляетесь? Тяжело ведь, наверное? – предприняла Алина еще одну попытку.

– Ну, сейчас уже тяжело. Но сейчас меньше убирать, только когда гостей много приезжает. А так что? От Максим Викторовича беспорядка немного. Окна вот только тяжело уже мыть, но Максим Викторович в агентстве женщину мне нашел в помощь. Она моет, а я за ней присматриваю. Хотела сначала из деревенских кого-нибудь предложить, но хозяин отказался. Говорит, из всей деревни только тебе и могу дом доверить. Шутит, наверное, но мне приятно. Я так думаю, Ангелина Львовна, когда за молоком ко мне приезжала, присматривалась, подойду я ей или нет. А что? У меня дома всегда чисто и убрано, меня как с детства приучили, я так по-другому себе и не представляю. Я даже у Петьки в инструментах убираюсь. Он, правда, сначала ругался на меня, а потом привык. Понял, что с матерью бесполезно спорить.

– А что же Ангелина Львовна вам помощницу не нашла?

– Так нет ее.

– Как нет?

«Умерла, что ли?» – хотела спросить Алина, но в последний момент удержалась.

– Так бросила она его.

– Как бросила?

Вот это поворот!

– Нашла себе хахалю за границей, ребенка забрала и уехала.

– Чего же ей не хватало? – как-то совсем по-бабски спросила Алина. – А как же Максим Викторович ее отпустил, ребенка отдал?

– А не знаю, чего не хватало! Красивый, богатый, молодой, на руках ее носил, дом вот какой для нее построил, за границу возил. А она с ним так обошлась! А все потому, что Максим Викторович добрый слишком, любил ее сильно. А она здесь и не показывается, редко бывает, а вот Никитка почти всегда на каникулы к отцу приезжает.

Тетя Аня поджала губы. Было видно, что она не одобряет поведение бывшей супруги.

Она к Максиму как к сыну относится, это заметно. Нельзя принимать ее слова на веру, мало ли какие там обстоятельства на самом деле были. Интересно, они в разводе? Алина решила пойти в обход:

– А сколько Никитке было, когда родители развелись?

– Да лет шесть, наверное. Максим Викторович так тяжело это переживал, я уж боялась, как бы он пить не начал. А он в работу ушел. До этого я его еще по утрам видела, а как они уехали, он сутками на работе стал пропадать.

– Так у него же еще квартира в городе, – решила рискнуть Алина и угадала.

– Да не, он не живет там. Она у него для гостей приезжих. Редко когда там ночевать остается. Олечка же рядом с ним постоянно. Хоть посреди ночи домой привезет.

– Вот как это у вас, тетя Аня, получается? Вроде бы не живете здесь, а в курсе всех дел.

– Так я когда Олечку вижу, я спрашиваю у него про Максима Викторовича. Когда у него получается, он со мной за продуктами ездит. А магазины ты же знаешь какие сейчас большие, полдня надо, пока обойдешь. Вот пока ходим, он мне про свои дела рассказывает, да и про Максима Викторовича.

– Теть Ань, вы, наверное, для Максима Викторовича как член семьи уже?

– Ну что ты, – смутилась женщина и замахала руками, – я доярка, а Максим Викторович олигарх. Но я тут почти уже десять лет, привыкла к ним ко всем, переживаю за них. С Никиткой даже успела познакомиться, свои-то внуки далеко. Он меня бабушкой зовет, а Максим Викторович не против.

С цифрами у Алины всегда было в порядке. Цепочка выстроилась мгновенно. Десять лет назад они построили дом. Сыну тогда было около года, сейчас лет десять. Развелись года четыре назад.

– А ты сама-то приезжая, что ли? – Тете Ане, видимо, уже хотелось самой послушать новых историй.

– Да нет, я в Москве живу. Просто у меня сейчас проблемы, мне лучше здесь пожить. – И Алина вздохнула как можно горестней.

– От мужика, что ли, ушла?

Алина ничего не сказала, но испустила еще один душераздирающий вздох.

– Вот ведь гады! И с ними тяжело, а без них еще хуже.

– Это вы очень точно заметили. – Боясь, что тетя Аня начнет расспросы, Алина быстро проговорила: – Теть Ань, а вы не покажете мне дом, ну, куда можно заходить. А то я так и не поняла, где стиральная машинка.

– Машинка, – тетя Аня взмахнула руками, – я про нее совсем забыла. Пошли!

И она бросилась из кухни, дошла до лестницы, завернула за нее и открыла неприметную дверцу. За ней была лестница в подвал.

Машинка уже давно отстирала, и тетя Аня начала доставать из нее белье. По ходу дела она кивала в разные стороны, поясняя, куда складывать грязное белье, где можно погладить. И тут у тети Ани звонил висевший на шее на длинном шнурке мобильник.

– Это Максим Викторович, – прошептала она и нажала кнопку: – Алло.

Она слушала и кивала: да, а мы уже, ага, поняла. Закончив разговор, она, довольная, повернулась к Алине.

– Велел тебе все показать, все рассказать. Взять у тебя список, что тебе надо купить. Сказал, чтобы ты записала мой телефон.

– Да мне пока ничего не надо. Мне бы с домом разобраться, где тут что.

И Алине была устроена экскурсия. Она снова убедилась, что над домом поработал профессионал. Интерьер был решен легко, нестандартно и со вкусом. Больше всего ее поразил бассейн. Он оказался в той части дома, которая почему-то оказалась на полэтажа выше. Из-за этого открывался потрясающий вид из окна, которое занимало всю стену. Бассейн представлял собой овальную чашу, в которую прямо из пола вели ступеньки разной ширины. На этих ступеньках легко могли усесться несколько человек. А что, запросто можно проводить мокрые вечеринки. Вдоль стен стояли кресла, диванчик, кушетка и пара тумбочек. Тетя Аня

стала нажимать на выключатели, и загорелась подсветка бассейна, звезды-точечки на потолке, люстра, бра на стенах, светильники на тумбочках. Тут явно можно было не бояться темноты. Наверное, ночью это все потрясающе выглядит. Надо будет поплавать как-нибудь. А купальника нет. А из окна видно?

Видимо поняв ход ее мыслей, тетя Аня сказала:

– Если шторку задернуть, снаружи не видно. Она хоть и почти прозрачная, но из-за нее ничего не разглядишь. В той тумбочке полотенца, а в той посуда и выпивка.

Алине тут же остро захотелось поплавать. Сначала работа.

– Теть Ань, спасибо, что показали. Пойду я к себе, мне поработать еще надо.

– А я пойду дальше убирать. Тебе обед приготовить? Я могу котлеток нажарить.

– Нет, я котлетки не хочу. Может, что-нибудь легонькое...

– Ты на диете, что ли?

Алина отрицательно помотала головой.

– Ну, давай я тогда борщик овощной приготовлю. А на второе грибочков пожарю с картошечкой. В этом году столько грибов насобирала! И засушила, и заморозила, и грибную икру сделала. А икра у меня такая вкусная, пальчики оближешь.

Грибочки с жареной картошечкой не тянули на звание легкого обеда, но как альтернатива котлеткам проходили. К тому же тетя Аня так расписала свои разносолы, что еще немного красноречия, и Алина согласится и на котлетки.

– Теть Ань, – смеясь, сказала Алина, – у меня уже слюни потекли.

– Ты иди тогда работай, а как закончишь, спускайся вниз. Я сейчас быстро все сделаю.

То ли работы оказалось неожиданно много, то ли вчерашнее вдохновение ее покинуло, но Алине не удалось закончить все до обеда. За обедом, который оказался очень вкусным, тетя Аня говорила на кулинарнохозяйственные темы, так что больше ничего про Максима и его жизнь гостя не узнала. Она надеялась разговорить женщину позже, за чашечкой кофе, но, когда Алина доделала работу, та уже ушла.

Она походила по дому. Нашла на тумбочке фотографии Никитки разных лет. Умиленные фото малышового возраста, официальное в школьной униформе и более живое туристическое. На всех фотографиях прослеживалось сходство с отцом. А вот следов Ангелины Львовны не было.

Спасаясь от безделья, Алина почистила свой электронный почтовый ящик, до которого не доходили руки, сделала работу, которую давно откладывала на потом. Организм начал подавать сигналы к ужину, а ей было не ясно: то ли есть одной, то ли попробовать дождаться Максима. Можно было, конечно, позвонить и узнать, во сколько он приедет, но Алина почему-то не решилась. Как-то это совсем по-семейному будет. Дорогой, тебя ждать к ужину? И вообще, мы теперь кто? Соседи по коммуналке, каждый в своем режиме, и никто никому ничего не должен. Или кто? Или как?

Алина погрузилась в глубокие размышления. С одной стороны, конечно, постель – не повод для знакомства. С другой стороны, она чувствовала: это был не просто мимолетный, случайный секс, в нем было что-то глубокое, что-то, что их, как ей казалось, сблизило. Но дальше ее размышления заходили в тупик. Вроде бы должно все измениться. Но как может измениться то, что еще толком и не начиналось? Пусть идет как идет, снова сдалась Алина.

Она поужинала в одиночестве, нашла в шкафу книжку с арабскими сказками и улеглась с ней в своей комнате.

4

Так она утром от будильника на телефоне и проснулась: с горящим светильником, в одежде, обернутая в покрывало. В доме было тихо. Он не ночевал?

Она быстренько умылась, приняла душ и спустилась вниз. По каким признакам можно понять, ночевал он или нет?

На кухне вроде бы все было так, как она оставила вечером. Или изменения были настолько незначительны, что она их не заметила. Творог, вспомнила она слова тети Ани. Надо посмотреть еду в холодильнике.

На первый взгляд в холодильнике ничего не изменилось. Но она ведь вчера не думала, что ей придется проводить сравнительный анализ содержимого, и не подготовилась. Казалось, что-то было не так, но ведь могла тетя Аня еще похозяйничать. Полотенце! Если оно мокрое, значит, он ночевал. Но ей как-то было не очень комфортно от мысли, что нужно обыскивать его комнату. Стоп! А какая разница, ночевал он или нет? Если ночевал, то что? Почему к ней не зашел, не разбудил? Тысяча вариантов. И что? И ничего. А если не ночевал? Другая тысяча. В любом случае что с этим сейчас-то делать?

Алина почувствовала, как она снова начинает ходить по кругу в своих мыслях. Хочешь что-то поменять – меняй. Не хочешь менять – не парься. И она постаралась выбросить все это из головы. Тем более что ее сегодня ждал полноценный рабочий день. И презентация перед потенциальным клиентом, один из ее любимых моментов в работе. Она будет смотреть, как скептически настроенный заказчик в процессе ее выступления превратится сначала в сомневающегося, а потом в заинтересованного клиента. Алина обожала магию этого момента.

Она выпила кофе и пошла одеваться. Ее любимая графитового цвета юбка с завышенной талией, отороченная полоской темно-серебряного кружева, сверху тонкая блузка стального цвета, туфли на высоком каблуке. В этом наряде она превращалась в фигурную хрупкую вазочку. Чтобы разбавить безупречность образа, она надела на шею несколько ниток серебристого бисера, все разных оттенков и длины, и выпустила из забранной наверх прически пару прядей. Эта легкая небрежность придала ей вид живого человека, а не девушки, сбежавшей с фэшн-съемки для глянцевого журнала.

Алине нравился этот образ. Он решал сразу несколько задач. Был достаточно строгим, чтобы при первой встрече внутренние сканеры клиента выдавали команду «свой» и ее начинали воспринимать как делового партнера. Красивым, чтобы в ней видели женщину и, проявив к ней интерес, частично и неосознанно переносили этот интерес и на ее выступление. И если было нужно, мог вызвать когнитивный диссонанс, легкий и неожиданный взрыв мозга, когда она, вся такая строгая и деловая, вдруг давала волю эмоциям, начинала яростно жестикулировать, что-то горячо доказывать, сверкать глазами и, пользуясь растерянностью аудитории, втягивала в живое обсуждение своих строгих слушателей. Этот шаг не всегда был необходим, часто это было шалостью, баловством, но Алине это нравилось, она получала удовольствие от этого маленького шабаша, и, возможно, клиенты это чувствовали, потому что всегда ей это сходило с рук и обычно помогало, а не вредило. По пальцам одной руки можно было пересчитать те презентации, где Алина осознанно отказывалась от этого буйства, но это была особая пуленепробиваемая аудитория, одетая в броню должностных инструкций и регламента. Как правило, и такие переговоры заканчивались подписанием договора, но работа обычно шла тяжело, встречала неизменное сопротивление персонала и требовала бесконечной переписки по решению любых мало-мальски серьезных вопросов. Единственное, что примеряло с этой враждебной действительностью, – это сумма контракта.

Но сегодня Алину ждал достаточно вменяемый клиент. Более того, по предварительным телефонным переговорам она почувствовала его заинтересованность. Так что ей оста-

ется только объяснить, как пошагово будет строиться их работа, что потребуется от каждой стороны, какие изменения ждать, и какой финансовый результат она даст. Сегодня ключ к ее успеху – это цифры, расчеты, логика.

На первый этаж спускалась уже другая Алина – строгая, деловая, погруженная в мысли о работе.

Офис клиента вместе с производством находился за городом – красивые корпуса на ухоженной территории. Алина любила хозяйское отношение к бизнесу, когда деньги вкладывались в такие не приносящие прямую отдачу вещи, как комфорт и красота: ровно подстриженные газоны, крашенные ограды, заасфальтированная парковка. Такой подход присущ европейскому бизнесу, но, как Алина смогла узнать из открытых источников, в учредителях состояли только наши. И похоже, у ребят были надежно прикрыты тылы, раз они так вольготно чувствовали себя. Земля в собственности, администрация в соучредителях, кроилова не будет, можно предлагать им полную программу и выставлять счет по максимуму.

Кроилова и не было. Но не было и презентации. Во всяком случае, в том виде, в котором планировала провести ее Алина. Четверо мужчин буквально на пятой минуте начали задавать конкретные вопросы, как будто они уже давно обо всем договорились, а сейчас от нее требовали готовых решений именно для их производства. Это обычно происходило на следующем этапе работы, но, раз клиент созрел так быстро, пришлось перестраиваться на ходу. Она отправила начальникам производства и складов формы с вопросами для сбора данных, на основе которых потом будет строиться вся работа, и юристам образец договора.

– Если получу эти цифры, пока буду еще здесь, смогу вам составить точную программу реорганизации.

И хотя эта машина запускалась после предварительной договоренности о сумме контракта, но она уже в который раз сегодня слышала фразу «По деньгам договоримся, давай по делу сначала». И Алина махнула рукой. По делу так по делу. Хотя Егорыч был категорически против нарушения последовательности в работе, Алина чувствовала, что они на самом деле договорятся по сумме, и решила рискнуть и нарушить инструкции.

– Мне надо увидеть производство, склады, погрузку.

Производство не выглядело таким ухоженным и праздничным, как территория снаружи, но все равно производило впечатление правильного хозяйства. Несколько небольших цехов отверточной сборки, электронной мелочовки, аудио- и видеотехники, производственные линии, электрокары, линии упаковки, складские помещения. Уже при первом осмотре Алина увидела слабые места.

– Какой процент возврата по браку? По механическим повреждениям? Сколько товара крадут? Постойте, ничего не говорите, я попробую угадать.

И она назвала цифры. Сопровождающая ее команда переглянулась. Они смотрели на нее, как на фокусника, будто она только что достала из рукава кролика. Но никакого фокуса не было, это были стандартные больные места таких производств. И размер потерь был у всех примерно одинаковый.

– После тренинга и небольшой реорганизации мы можем уменьшить эти цифры минимум в два раза. А сейчас, господа, пойдете считать деньги.

Алина уже точно знала, какой счет им нужно было выставлять. Надо было только объяснить, за что они берут такие деньги. И получилось так, что теперь ей пришлось рассказывать о тех вещах, о которых она должна была говорить в самом начале встречи. Только сейчас она уже могла привлекать конкретные цифры, которые успела получить. В общем, все шло задом наперед, но шло в правильном направлении. И с какой-то немислимой скоростью. Мало того, что они умудрились с ходу договориться по сумме, так еще и юристы успели утрясти договор,

и теоретически сегодня его можно было подписать. Ей даже позвонил шеф, удивленный кипишем, который она подняла. Выйдя из переговорной, она коротко обрисовала ситуацию, и Егорыч дал добро, подписал договор и с курьером отправил его сюда. Маловероятно, конечно, что он будет сегодня подписан, но уж точно к понедельнику будет лежать на столе у руководства.

Алина чувствовала себя каким-то начальником оперативного штаба, чем-то между Шойгу и Жуковым. Она собирала данные, анализировала и составляла план действий, при этом вела переговоры и отдавала поручения. К концу дня был переделан объем работы, на который в спокойном состоянии уходила неделя в лучшем случае. Видимо, хозяева тоже почувствовали, что выполнили пятилетку за три года.

– Я считаю, надо отметить начало нашего сотрудничества, – сказал генеральный, толстый дядька лет пятидесяти, обращаясь к коллегам, – обед на рабочем месте – это часть производственного процесса. А хочется все же поесть. Поедемте, Алина Леонидовна, в славный ресторанчик. Это не ваши столичные заморские кухни, у вас в городе так готовить не умеют.

Отказаться Алина не могла, это бы осложнило ее дальнейшую работу. Тут закон простой: вместе отпахали, вместе надо отпраздновать. Если ты свой, значит, должен быть вместе с коллективом. А если честно, то Алина и не хотела отказываться. Она с удовольствием бы закончила этот тяжелый день в ресторане, потому что чувствовала, будто внутри ее заведенная пружина, которая все еще гнала ее к каким-то активным действиям, а надо было уже как-то мягко тормозить. Застолье как раз решило бы эту проблему. И она согласилась.

Ресторанчик стоял недалеко от трассы, большой бревенчатый домина. Портило приятное впечатление чучело медведя, стоящее на крыльце с подносом в лапах. Алина ожидала, что внутри будет такой же китч, но она ошиблась. Интерьер был выполнен в стилистике охотничьего домика, просто и добротно. Их провели в отдельную комнату, и сразу же вокруг засуетились официанты, принесли спиртное и закуски, не дожидаясь основного заказа. Видимо, ее клиенты в этих местах были завсегдатаями.

На момент приезда в ресторан в их рядах произошла замена. Коммерческий директор остался на хозяйстве, зато вместо него появилась белокурая красавица модельной внешности, которая оказалась девушкой сурового бугаеподобного молодца, чья должность звучала как консультант по общим вопросам. Похоже, консультант был смотрящим от хозяев, потому что в течение дня он интересовался только вопросами, связанными с деньгами. И несмотря на свою неинтеллектуальную внешность, в финансах он разбирался не хуже коммерческого директора. Консультант с блондинкой сели напротив, а места с боков от Алины заняли генеральный и исполнительный. Алина уже успела к ним привыкнуть и проникнуться симпатией. Мужики были настоящими умницами, все схватывали на лету и все вопросы решали быстро и изящно. Так что Алина настроилась на приятный вечер в кругу хороших людей.

От спиртного она отказалась в самом начале, несмотря на то что исполнительный отдавал ей своего водителя, чтобы тот отвез Алину на ее машине. А вот еду попробовала заказать в гомеопатических дозах, видя, сколько закусок уже было выставлено на стол. Но признаться честно, еда была отменная. Алина пошла по рыбе, так что смогла аргументированно отказаться от кролика в сливках и жаркого с белыми грибами, которые источали душераздирающие ароматы. Такие ароматы могли вывести из строя и заставить истекать слюной даже закаленный персонал кухни. Алине тоже стоило нечеловеческих усилий справиться с соблазном. В качестве компенсации за проявленное мужество она пообещала себе наведаться сюда еще разок отдегустировать нетронутую часть меню.

Было все очень душевно. Директора ухаживали за ней в четыре руки, внимательно следя за тем, чтобы ее тарелка не пустовала. В перерывах между работой вилкой Алина рассказывала разные смешные истории из своей практики, мужики веселились от души, благо тема была для них знакомая. В ответ она слушала о производственных казусах впережку с неприличными

анекдотами, на которые она укоризненно качала головой, а они веселились, как школьники, которым удалось безнаказанно напроказничать.

В середине застолья появился человек с бумагами – привез договор из офиса, который Егорыч отправил с курьером. На нем стояла виза местных юристов, тем не менее генеральный бегло его просмотрел, достал из портфеля печать и расписался.

– Вот, Алиналидовна, – выпитое спиртное уже давало о себе знать, – ваш экземпляр. Так что с понедельника можете приступать.

Алина не скрывала удивления.

– Павел Юрьевич, – обратилась она к генеральному, – я, если честно, поражена. Первый раз вижу, чтобы работали с такой скоростью. С таким подходом в работе вы не то что первыми на российском рынке должны быть, вам как нечего делать первыми в Европе стать.

– Ну, дорогая моя, вы нам льстите. Мы сегодня друг другу кучу времени сэкономили. Нам удобнее один раз сесть и быстро проработать такой вопрос, чем на неделю растягивать, подгонять время, чтобы мы смогли все собраться. Да и вы сегодня оперативно сработали. Это, кстати, аргумент в вашу пользу. Если бы так легко все вопросы решались...

Алина решила задать не дававший ей весь день покоя вопрос:

– Павел Юрьевич, у нас с вами контракт на большую сумму, а в бизнесе не принято быстро добро давать. В чем же дело, откройте тайну.

– А никакой тайны нет, – сказал до этого не принимавший активного участия в разговорах консультант, – мы навели справки, и хорошие люди сказали, что с вами можно работать. Только не спрашивайте у меня, что это за люди, они из ваших клиентов.

– Ой, как приятно, – совсем по-девчачьи сказала Алина и тут же засмушалась и поспешила исправиться: – Ну, будем надеяться, что, когда мы закончим работу, у вас тоже найдутся хорошие слова в наш адрес. И вам это не будет дорого стоить.

– Да, дорогая Алиналидовна, – сказал, смеясь, генеральный, делая упор на слове «дорогая», – это тот редкий случай, когда говоря женщине «дорогая», точно знаешь, о какой сумме идет речь.

Вот так, в веселой и непринужденной атмосфере они уже добрались до горячего, как вдруг у Алины на телефоне высветился номер Максима.

– Привет, можешь говорить?

– Могу. Что-то случилось?

– Нет, все нормально. Хотел поинтересоваться твоими планами на вечер.

– Пока нет никаких.

– Хотел тебя в ресторан пригласить. Но похоже, вы там уже гуляете.

– Ага, контракт подписали, не могу сказать, что обмываем, но точно заедаем его.

– Ладно, тогда в другой раз. Приедешь сегодня?

– Конечно.

– Хорошо. Пока.

– Пока.

Алина чувствовала, что это уже перебор. Слишком много хороших событий, так не бывает. Подписанный контракт, приятные и вроде бы адекватные заказчики, а тут еще Максим звонит и ждет ее. А ведь странно, она сегодня даже не вспоминала о нем. Хотя и неудивительно: когда бы она это успела сделать?

5

Домой она ехала не торопясь. Ей хотелось продлить предвкушение подарка, праздника, оттянуть момент, когда она этот подарок получит, когда увидит Максима. Она поймала себя на мысли, что соскучилась по нему. К тому же ей надо было немного отойти от застолья, от легкого ухаживания двух директоров. Суматоха сегодняшнего дня ее вроде бы отпустила, а вот отвлечение в ресторане давало еще о себе знать игривым настроением. Ей не хотелось везти это настроение домой. Хотелось приехать пустой, чтобы вечер с Максимом не наслаивался ни на какие впечатления и настроения, чтобы это не путалось, не смешивалось. И ей это практически удалось. Она только не учла одного. К тому моменту, как она подъехала к дому, внутри ее уже все улеглось. Но стоило ей перешагнуть за порог, как на нее навалилась какая-то нечеловеческая усталость. Она присела на банкетку в коридоре и поняла, что сдвинуться не в состоянии.

Максим сидел на первом этаже, смотрел какую-то передачу. Увидев ее, выключил телевизор, подошел. Она протянула руки, зовя его подойти ближе, так, сидя, обняла его и уткнулась ему в живот. «Это уже становится традицией, – подумала Алина. – Сейчас вырублюсь».

Видимо почувствовав это, Максим отстранился и присел перед ней на корточки.

– Устала?

– Нечеловечески. Сама даже не ожидала, – каким-то извиняющимся тоном произнесла она, – еще и обьелась.

– Хочешь ванну с гидромассажем? Или в бассейн? Там тоже гидромассаж есть.

– В бассейн хочу. Там так красиво у тебя. Только я там усну сразу же.

– Ничего, я буду за тобой присматривать, чтобы ты не утонула. Ты сегодня такая красивая.

Он осторожно снял с нее туфли и остался сидеть, глядя на нее снизу вверх, с теплотой и обожанием. Алина почувствовала, как по телу начала разливаться горячая волна желания, в животе образовалась пустота. Усталость не прошла, но ее будто переключили в другой режим и оставили где-то там, позади. Она ее по-прежнему чувствовала, но ее уже влекло вперед, к Максиму. И хотя разум говорил, что это перебор, надо отдохнуть, тело готово было всецело отдаться новому повороту событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.